

УДК 94(262.81+479+477.7)

Энергетический аспект современной российской внешней политики на Ближнем Востоке

А. К. Магомедов

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и культурологии, Ульяновский государственный университет, armagomedov@gmail.com

В работе исследуются события, которые не только изменили энергетическую и геополитическую картину Ближнего Востока, но и привели к тому, что безоговорочным бенефициарием всех указанных изменений стала Россия. Рассматриваются причины и факторы появления России в этом регионе как одного из ключевых политических игроков современного мира. В центре исследования – энергетический и стоящий за ним внешнеполитический контекст российских действий на Ближнем Востоке. Автор предлагает новую исследовательскую перспективу – рассматривать в тесной связи политизацию энергетических проектов и региональные эгоизмы. Дается ответ на вопрос: до какой степени энергетический и транспортный факторы способны менять стимулы и поведение ведущих политических игроков в регионе?

Ключевые слова: Ближний Восток, российские интересы, военно-дипломатическая активность России, политические эгоизмы.

Energy Aspect of Modern Russian Foreign Policy in the Middle East

A. K. Magomedov

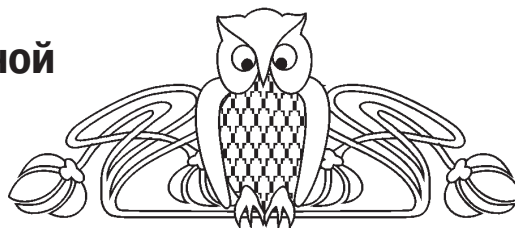
Arbakh K. Magomedov, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>, Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia, armagomedov@gmail.com

The paper examines events that not only changed the energy and geopolitical picture of the Middle East, but also led to the fact that Russia became the unconditional beneficiary of all these changes. The causes and factors of the appearance of Russia in this region as one of the key political players in the modern world are considered. The focus of the study is the energy and the foreign policy context behind it of Russian actions in the Middle East. The author offers a new research perspective – to consider in close connection the politization of energy projects and regional egoisms. The answer to the question is given: to what extent are energy and transport factors capable of changing the incentives and behavior of leading political players in the region?

Keywords: Middle East, Russian interests, military-diplomacy activity of Russia, political egoisms.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-75-79>

Целью данной статьи является исследование энергетического аспекта новейшей российской внешней политики на Ближнем Востоке. Термин «Ближний Восток» рассматривается в работе в широком – энергополитическом – смысле: как пространство от Турции до Суэцкого канала и от

Персидского залива до Восточного Средиземноморья.

Исследование начинается с рассмотрения событий, которые стремительно меняют энергетическую и геополитическую картину региона, а также процессов, связанных с возрастающей ролью России в энергетических и геополитических делах Ближнего Востока. Далее исследуются причины и содержание энергетической и военно-дипломатической активности России в регионе. Заканчивается работа изучением ливийского ракурса российско-турецкой ближневосточной политики и изложением выводов, связанных с политизацией энерго-транспортных проектов в Восточном Средиземноморье.

Выход России на энергетическую и геополитическую арену Ближнего Востока

Эту статью я начну с рассмотрения событий, изменивших энергетическую и геополитическую картину Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Аналитики и эксперты, описывающие события, связанные с военно-дипломатическими действиями России в Сирии, много говорят о целях Москвы в ближневосточной кампании. Одни считают, что Россия старается спасти режим Башара Асада – такого мнения придерживаются, главным образом, западные политики, другие – что Россия борется с международным терроризмом, воплощением и символом которого является ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в РФ). Однако приведенные дебаты оставляют в стороне энергетический и стоящий за ним внешнеполитический контекст российских действий на Ближнем Востоке. Поэтому, независимо от того, считает ли кто-то, что Россия спасает режим Асада, или же что она борется с ИГИЛ, есть несколько моментов, с которыми очень трудно спорить.

Начавшийся 2020-й год с первых своих дней и с первых своих событий показал, что он наверняка станет годом энергетики для региона. 3 января на территории Ирака был убит иранский генерал Касем Сулеймани – культовая и знаковая фигура современной персидской политики. Это событие, одним из следствий которого был рост нефтяных цен, едва не поставило регион Ближнего Востока на грань войны. Спустя всего пять дней, 8 января, в Стамбуле президенты Турции и России Реджеп Тайип Эрдоган и Вла-

димир Путин запустили газопровод «Турецкий поток», по которому российский природный газ пойдет в Турцию и Южную Европу. Общая пропускная способность газопровода составит 31,5 миллиарда кубометров газа. К этому нужно добавить, что за несколько дней до этого, 2 января 2020 г., Греция, Кипр и Израиль подписали соглашение о строительстве газопровода «Ист-Мед» (EastMed), по которому газ из месторождения «Левиафан» в Восточном Средиземноморье через Кипр и Крит должен будет транспортироваться в материковую Грецию и далее в Италию. Наконец, нельзя не отметить такой важный момент, как сотрудничество между Турцией и Россией в Ливии в плане стабилизации политической ситуации в стране и взятия под контроль местных нефтегазовых месторождений, портов и коммуникаций.

Указанные события не только стремительно меняют энергетическую и геополитическую картину региона, но показывают, что безоговорочным бенефициарием всех указанных изменений становится Россия. После убийства Сулеймани многие ожидали, что нестабильность может охватить богатый энергоресурсами Персидский залив и его периферию. В частности, индийское издание «The Hindu» в статье под названием «Убийство Сулеймани может укрепить российско-индийские связи в энергетической сфере» в драматических тонах описывает нефтегазовую перспективу своей страны. В публикации говорится, что это событие повлечет за собой множество серьезных последствий для энергетической безопасности Индии, а именно Нью-Дели, возможно, придется сосредоточить свое внимание на огромных российских запасах энергоресурсов. В 2019 г. Индия и Россия подписали энергетическое соглашение сроком на пять лет, которое включает в себя совместную разработку нефтегазовых месторождений в России и Индии, а также долгосрочное соглашение на поставки российской нефти. Исходя из этого, газета делает вывод: «Последствия убийства Сулеймани свидетельствуют о том, что реализация этих российско-индийских планов должна стать одним из приоритетов энергетической политики Индии»¹.

Причины и факторы энергетической и военно-дипломатической активности России на Ближнем Востоке

Военное и дипломатическое вмешательство России в сирийский конфликт стало серьезным испытанием для политических связей России со странами этого региона. Чтобы создавать коалиции, необходимые для достижения различных целей, самое важное для государства – это обширные политические связи. Довольно трудно не заметить, что Москва ведет диалог практи-

чески со всеми столицами Ближнего Востока. Весь 2019 г. Россия активно работала с Египтом, Израилем, Иорданией, Турцией, Кувейтом и Саудовской Аравией. Не будем говорить о том, что некоторые из этих переговоров крайне трудны, однако их продолжение существенно укрепляет стратегические позиции России в регионе.

Общеизвестен факт, что Россия старается контролировать европейский энергетический рынок, о чем свидетельствует строительство новых трубопроводных систем (газопроводы «Голубой поток» и «Турецкий поток» на юге Европы, газопроводы «Северный поток-1 и 2» на севере Европы), которые соединяют его западные и восточные части. Москва хочет увеличить свою монополию на европейском энергетическом рынке, который является крупнейшим потребителем энергоресурсов после рынков США и Китая. Кроме того, общеизвестно, российская экономика зависит от доходов от экспорта энергетических ресурсов, поэтому любое снижение цен на нефть и газ оказывает негативное влияние на экономическую ситуацию в стране. Страны Евросоюза в очередной раз пытаются разрушить российскую монополию на европейском рынке посредством заключения соглашений со странами Ближнего Востока и Северной Африки, в частности с Алжиром. Россия, напротив, стремится контролировать добычу и экспорт энергоресурсов на Ближнем Востоке, а также хочет нарушить планы ЕС по диверсификации поставок газа, ощутимо бьющие по интересам Москвы. Необходимо отметить, что Россия зависит от энергетического партнерства с ЕС, поэтому вынуждена работать над расширением своего влияния в странах Восточного Средиземноморья и Северной Африки.

Важно также отметить, что Москва связала свою внешнюю политику с энергетическими ресурсами (нефть и газ), которые стали важными инструментами проведения внешней политики страны. Не случайно, когда Владимир Путин пришел к власти в России, он связал энергетические ресурсы с национальной безопасностью страны, сделав их инструментом не только решения внутривосточных проблем, но и реализации внешней политики².

Российская активность на Ближнем Востоке объясняется следующими причинами. Во-первых, тем, что не менее половины мировых нефтегазовых запасов находится в этом регионе. Во-вторых, такие стремительно развивающиеся экономики, как Китай и Индия, импортируют значительную часть потребляемых ими энергоресурсов из стран Ближнего Востока. В-третьих, ближневосточные государства контролируют ключевые морские торговые пути, используемые для международного судоходства. Речь идет о Суэцком канале, а также Ормузском и Баб-эль-Мандебском проливах. Через эти морские транспортные артерии ежедневно перевозится более

25% мировой нефтедобычи. В-четвертых, государства Ближнего Востока, а также Северной Африки находятся в относительной географической близости от Европы. В данном контексте страны региона могут выступать в качестве потенциальных конкурентов России за европейский энергетический рынок. В настоящее время Россия конкурирует с Саудовской Аравией за поставки нефти и нефтепродуктов в Китай, а также с Катаром и Алжиром за экспорт газа в Европу.

Российские власти использовали несколько стратегий, чтобы добиться необходимого результата. Во-первых, они заключили ряд соглашений со странами-экспортерами энергоресурсов, в частности с арабскими странами Персидского залива и с международными организациями, такими как, например, ОПЕК, о сокращении добычи нефти для стабилизации ситуации на международном рынке. Россия, как и другие страны-экспортеры нефти, заинтересована в повышении цен на энергоносители, поскольку экономика всех стран-экспортеров зависит от доходов от экспорта энергетических ресурсов. Во-вторых, российские власти согласовали со странами-экспортерами нефти объемы добычи и поставок на международный нефтяной рынок. Согласно договоренностям, экспорт нефти и нефтепродуктов не должен превышать спрос, поскольку увеличение предложения приведет к снижению цен. Таким образом, страны-экспортеры нефти смогут полностью контролировать потребности мирового рынка. В-третьих, они хотят расширить деятельность энергетических компаний, в частности российской газовой компании «Газпром», в странах Ближнего Востока. Например, российским властям удалось получить разрешение от правительства Египта на разработку крупнейшего газового месторождения «Зохран».

Ливийский поворот в ближневосточной политике России и Турции: на пути к совместному контролю энергетической инфраструктуры региона

Встреча лидеров России и Турции во время торжественного открытия газопровода «Турецкий поток» предоставила им хорошую возможность для того, чтобы обсудить последние события на Ближнем Востоке. Причем основной темой переговоров Путина и Эрдогана, судя по всему, был не Иран и не Сирия, а Ливия, которой посвящена чуть ли не половина итогового заявления на фоне коротких абзацев про другие проблемы³. Таким образом, новая российско-турецкая инициатива должна помочь установить межливийский диалог через посредников и создать для Ливии аналог женево-астанинского процесса, в рамках которого сейчас идет урегулирование в Сирии⁴.

Здесь необходимо коротко обрисовать, что интересует Россию и что интересует Турцию в

Ливии. Россию интересуют как ливийские ресурсы (месторождения нефти сейчас в основном находятся под контролем поддерживаемого РФ фельдмаршала Хафтара), так и политические выгоды, которые даст возможность закрепиться в этой стране. Кроме того, Ливия со своими портами и протяженным побережьем в Средиземном море открывает широкие логистические возможности, а также хорошо вписывается в стремление России расширить свое присутствие в Африке⁵.

Что касается Турции, то для Анкары Ливия – это, как и для России, нефть, порты и политическое влияние в Средиземноморье. Есть у Турции и идеологические основания для вмешательства в Ливии. Если копнуть еще глубже, то в ливийской политике Турции также найдется реализация идей неоосманизма, которые в 2000-х гг. возродил бывший премьер, а ныне оппозиционер Ахмет Давутоглу⁶. В начале 1990-х гг., во время войны в Персидском заливе, тогдашний турецкий президент Тургут Озал пытался говорить о необходимости присоединить к Турции некоторые области Ирака, исторически принадлежавшие османам. Но тогда это предложение даже в турецкой элите поддержали слабо, хотя оно очень понравилось неоосманам. Сейчас же, при Эрдогане, идея международной экспансии нравится все большему числу турок⁷. При этом Турция отрицает возможность столкновения с Россией в Ливии. Это совершенно не в интересах сторон, провозгласивших себя посредниками. Им гораздо выгоднее попробовать распространить на Ливию свой сирийский алгоритм сотрудничества. Это разграничение сфер влияния и принципиальная договоренность работать, учитывая обоюдные интересы и пожелания⁸. Здесь политические интересы сторон очевидны: когда к экономической взаимозависимости Турции и России добавляется сильная взаимозависимость сторон в области безопасности и международных амбиций, то это дает обеим странам серьезные стимулы придерживаться компромиссного решения.

Политизация газовых месторождений и трубопроводных проектов: региональные интересы в Восточном Средиземноморье

Здесь мы поднимаем важный вопрос, который критически важен для политической науки: до какой степени энергетический и транспортный факторы способны менять стимулы и поведение ведущих политических игроков в регионе?

Важным событием в развитии энергетической геополитики Ближнего Востока можно считать выход на международную топливную сцену крупных месторождений природного газа в восточной части Средиземного моря. В первую очередь, речь идет об огромном месторожде-

ние природного газа у берегов Израиля под названием «Левиафан». Планируется, что сырье с этого месторождения пойдет в Евросоюз. Казалось бы, что с экономической точки зрения этот проект может иметь большие перспективы, поскольку в первых числах января 2020 г. Греция, Кипр и Израиль подписали соглашение о строительстве газопровода «ИстМед» (EastMed), по которому газ из месторождения «Левиафан» через Кипр и Крит должен будет транспортироваться в материковую Грецию и далее в Италию. В проект планируется включить и попутные газовые месторождения Кипра. Строительство газопровода длиной более 1800 километров поддерживает ЕС, который присвоил инициативе привилегированный статус «проекта общего интереса» (Project of Common Interest). Исходя из этого, некоторые аналитики и политики рассчитывают, что экономические выгоды этого проекта способны принести мир и процветание в регион. Греческий министр экологии и энергетики Констис Хацидакис заявил, что, несмотря на угрозы со стороны Турции, трубопровод – это «проект мира и сотрудничества в Восточном Средиземноморье». Однако другие ученые справедливо указывают на геополитический конфликтный потенциал проекта. По их мнению, Европа таким образом лишь подорвет существующее региональное энергетическое партнерство на Ближнем Востоке и тем самым ослабит и без того трудно идущий мирный процесс. Эту дискуссию отразил в своей статье немецкий обозреватель издания «Вельт» Д. Ветцель⁹. Указанное энергетическое партнерство существует в виде многостороннего объединения различных государств. В начале 2019 г. Египет, Иордания, Израиль, Кипр, Италия и представители Палестинской автономии объединились в Восточный Средиземноморский газовый форум (EMGF). Целью этого объединения должна была стать совместная разработка больших разведанных запасов газа в Восточном Средиземноморье. Один из вариантов предусматривал соединение газовых месторождений «Зохран» (Египет), «Афродита» (Кипр), а также «Левиафан» и «Тамар» (Израиль) с египетскими терминалами для сжижения природного газа (СПГ) Идку и Дамьетта. Оттуда топливо в виде СПГ должно было танкерами доставляться на мировые рынки.

Этот совместный проект был в состоянии углубить политические связи на Ближнем Востоке и мог побудить все стороны в конфликтных ситуациях действовать с позиций хотя бы минимального прагматизма. Так, по словам Тарека Бакони, специалиста из аналитического центра «Европейский совет по внешнеполитическим отношениям» (European Council on Foreign Relations / ECFR), в идеале такой «экономический мир» мог бы способствовать решению споров об акваториях между Ливаном и Израилем, улучшению положения палестинской авто-

номии, принятию внутривластных реформ в Египте и сближению Кипра и Турции.

Однако газопровод «ИстМед» может положить конец такой региональной кооперации. Односторонние действия различных ближневосточных государств, побуждаемые желанием выйти на газовый рынок ЕС, приведут к маргинализации вышеуказанного Восточного Средиземноморского газового форума (EMGF). Газопровод «ИстМед» едва ли укрепит энергобезопасность Европы: мощность газопровода пока небольшая – всего десять миллиардов кубических метров. Это не соответствует и пятой части мощности проблемного балтийского газопровода «Северный поток» и не окажет сколько-нибудь заметного влияния на энергобезопасность Европы¹⁰.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Надо признать, что Россия стремится контролировать добычу и экспорт энергоресурсов на Ближнем Востоке. Она смогла заключить ряд энергетических соглашений с Саудовской Аравией и ОАЭ. В этом контексте сирийская кампания России, начатая по просьбе законного правительства страны, в значительной степени способствовала укреплению позиции страны на Ближнем Востоке, а Сирия стала отправной точкой для расширения российского присутствия в регионе.

Еще один важный вывод о природе политических интересов в ресурсном контексте. Лидеры государств Восточного Средиземноморья цеплялись за убеждение, что приток денег от транспортировки газа с новых месторождений может стать средством решения проблем, с которыми столкнулись их страны. Необходимо отметить, что эту позицию разделяли многие эксперты. Приведу мнение одного из них, который в свое время утверждал, что «при определенных условиях (не сказано, каких, – А. М.) трубопроводы могут стать важным интегрирующим и стабилизирующим фактором», поскольку «как и другие транспортные коммуникации, нефтепроводы обладают способностью “сшивать” регионы, увязывая их взаимными интересами»¹¹. К сожалению, положение дел никогда не внушало особого оптимизма в данном вопросе. Перспективы строительства газопровода в Восточном Средиземноморье разжигают региональные эгоизмы в порядке максимизации собственных интересов каждого участника. Это означает, что политические лидеры этих государств пытались получить международную координирующую власть в ареале. Через этот процесс ближневосточные элиты начали приобретать новое признание самих себя как международных участников энергетического и транспортного процесса. Типичный пример – ситуация с Турцией, которая пытается осуществлять собственные проекты по добыче газа у берегов разделенного Кипра. В частности, она подкрепила свои претензии

на эти энергоресурсы, понав к острову военные корабли. Кроме того, страна стремится занять определенное место в торговле газом и считает, что этой цели угрожают газопровод «ИстМед» и возросшее в этой связи значение Греции. Правительство в Анкаре пытается также изменить фактическое положение дел и с помощью сомнительного морского соглашения с Ливией намерено значительно расширить свою акваторию в Восточном Средиземноморье.

Примечания

- ¹ Aneija A. Analysis : Soleimani's Assassination Could Deepen India-Russia Energy Ties // The Hindu. 2020. 11 January. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/soleimani-asassination-could-deepen-india-russia-energy-ties/article30527639.ece> (дата обращения: 11.01.2020).
- ² См.: Магомедов А. К. Каспий – Кавказ – Причерноморье : пути нефти, пути торговли, пути войны (история и современность). Ульяновск : УлГТУ, 2018. С. 105–108.
- ³ См.: Совместное заявление президентов Российской Федерации и Турецкой Республики. 8 января 2020 г. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/5470> (дата обращения: 09.01.2020).
- ⁴ См.: Жаров К. Враги или союзники. Смогут ли Россия и Турция возглавить мирный процесс в Ливии // Московский Центр Карнеги. 2020.10.01. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80748> (дата обращения: 11.01.2020).
- ⁵ См.: Конкуренция за Африку. Что российская экономика может предложить целому континенту. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7028750> (дата обращения: 10.01.2020).
- ⁶ См.: Danforth N. Turkey's New Maps Arereclaiming the Ottoman Empire // Foreign Policy. 2016. 23 October. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/10/23/turkey's-religious-nationalists-want-ottoman-borders-iraq-erdogan> (дата обращения: 28.12.2019).
- ⁷ См.: Atac C. A. Pax Ottomanica No More! The "Peace" Discourse in Turkish Foreign Policy in the Post-Dovotoglu Era and the Prolonged Syrian Crisis // Digest of Middle East Studies (DOMES). 2018. 30 October. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/dome.12152> (дата обращения: 10.10.2019).
- ⁸ См.: Анкара исключила возможность столкновения России и Турции в Ливии // РИА Новости. 2020. 6 января. URL: <https://ria.ru/20200106/1563154811.html> (дата обращения: 08.01.2020).
- ⁹ См.: Wetzel D. Europas neu Problem-Pipeline Konnte sich als Ungeheu ersweisen // Die Welt. 2020.05.01. URL: <https://www.welt.de/wirtschaft/article204725766/EastMed-Das-ist-Europas-neu-Problem-Pipeline.html> (дата обращения: 08.01.2020).
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Чумалов М. Ю. Каспийская нефть и межнациональные отношения. М. : ЦИМО, 2000. С. 165.

Образец для цитирования:

Магомедов А. К. Энергетический аспект современной российской внешней политики на Ближнем Востоке // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 75–79. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-75-79>

Cite this article as:

Magomedov A. K. Energy Aspect of Modern Russian Foreign Policy in the Middle East. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 75–79 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-75-79>